

кустарником, вековыми соснами, старыми елями и берёзами. На месте церкви с весны 1935 г. располагался штаб военных строителей, с 1970 г. — заправочный пункт ГСМ стройплощадки 473 УНР г. Витебска.

В современных справочниках церковь в Боровке неверно называется Свято-Георгиевской, проща не упоминается, источники данных отсутствуют (!) [4; 450] [11; 133].

В декабре 2009 г. я выступил с предложением перед КУПП «Боровка» о восстановлении часовен и колодцев в первоизданном виде на прежнем месте. Работы начались в августе 2010 г.

Литература

- Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў і інш. Мінск: БелЭн, 1993. 702 с.: іл., фота.
- Довгялло, Д. И. Полоцкая епархия к 1903 году / сост. Д.И. Довгялло. Витебск: Губернская типолитогр., 1903. 106 с.
- Зайкоўскі, Э. М., Дучыц, Л.У. Жыватворныя крыніцы Беларусі / Э. М. Зайкоўскі, Л. У. Дучыц. Мінск: Ураджай, 2001. 111 с.: іл., фота.
- Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы Беларусі: энцыклапедычны даведнік / А. М. Кулагін. Мінск: БелЭн, 2007. 653 с.: іл., фота.
- Лобач, У. А., Волкаў, А. А. Аб'екты сакральнай геаграфіі ў народнай медыцыне Лепельшчыны // Лепельскія чытанні: (нав.-практ. канферэнцыя, прысвечаная 565-годдзю г. Лепеля) / склад. А. У. Стэльмах. Віцебск, 2004.
- Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. Витебск, 1866.
- Памятная книжка Витебской губернии на 1895 год. Витебск, 1895.
- Памятная книжка Витебской губернии на 1910 год. Витебск, 1910.
- Статистические сведения о церквях и причтах Полоцкой епархии... Минск: Типолитогр. Г. А. Малкина, 1884.
- УК «Лепельский районный краеведческий музей». КП. 5396 / Д. 992. Воспоминания участника 1-й русской революции 1905—1907 гг. Позняка В. Г. В 5 ч. Ч. 1.
- Храмы и приходы Витебской Епархии Белорусской православной церкви / Московский Патриархат. Витебск: Витебская епархия, 2002. 219 с.: ил., фото.

Гребень Е. А.

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЛЕПЕЛЬЩИНЫ

Воспоминания очевидцев нацистской оккупации являются исключительно ценным источником в условиях некомплектности архивных материалов по некоторым районам и отдельным волостям оккупированной Беларуси.

В период с 2007 по 2010 г. в Лепельском районе было проведено интервьюирование 15 граждан 1918—1930 гг. р., (аудио- и видеointerview хранятся в личном архиве автора и Лепельском районном краеведческом музее), из которых 5 мужчин, 10 женщин; 1 опрошенный проживал в период оккупации в г. Лепеле, остальные в сельской местности. Большинство опрошенных имело до войны начальное образование. За одним исключением граждане (или их родители) занимались сельским хозяйством. Восемь воспоминаний использованы в данной работе.

Воспоминания помогают реконструировать оккупацию глазами простого человека, воссоздать реалии оккупационной повседневности. Начало войны вызвало страх, изредка неверие в то, что это надолго. Большинство опрошенных вспоминали эвакуацию колхозного скота, отступление Красной Армии. Проход немцев через деревни вначале страха не вызвал, надолго в населенных пунктах они не задерживались, в первый год оккупации появлялись sporadически. Местные жители вспоминают отдельные случаи мародерства [1].

Население разобрало оставшийся колхозный скот, разделило колхозную землю. Первое время повседневность изменилась мало, люди просто занимались сельским хозяйством. Изредка удавалось сходить в Лепель (с развитием партизанского движения выход населения из партизанской зоны усложнился) на базар, однако доставать промтовары было крайне сложно. Некоторые гнали самогон, чтобы поменять его на что-либо необходимое [1]. Медицинская помощь отсутствовала, болезнь переносили на ногах. Настоящим бедствием населения стали тиф, чесотка [1, 8].

Очень фрагментарные сведения о представителях коллаборационной администрации [5, 8]. Практически невозможно определить структуру коллаборационной администрации, систему налогообложения в пользу оккупационных властей по причине того, что большинство опрошенных граждан проживало в сельской местности, подконтрольной партизанам (Полоцко-Лепельская партизанская зона), где оккупационные структуры либо не функционировали, либо функционировали sporadически.

Больше сведений имеется о вооруженных коллаборационных формированиях. Опрошенные вспоминают сотрудников местной полиции, причем образ белорусского полица, как правило, негативный, поскольку из деревень партизанской зоны в полицию практически никто не вступал, и с полицаями местному населению приходилось встречаться лишь в ходе карательных операций. Есть сведения об украинском полицейском батальоне, который дислоцировался в дер. Велевщина. Образ украинских полицейских в глазах местного населения достаточно нейтральный, поскольку эта коллаборационная часть (очевидно, украинский батальон под командованием Романа Шухевича) размещалась в Велевщине в начальный период оккупации, когда партизанское движение еще не было масштабным, соответственно, репрессий по отношению к гражданскому населению они не проводили, размещались изолированно в здании школы за укреплениями [1, 5, 8].

А вот житель г. Лепеля Полонский П. Д. характеризует украинских полицейских как «зверей» [7]. Есть сведения о действиях латышских полицейских, однако очень расплывчатые, поскольку латышский полицейский батальон действовал только в некоторых волостях Лепельского района. Солдаты РОНА Каминского запомнились жителям Лепеля и окрестных деревень, в Стайске, Велевщине они не появлялись даже в ходе карательных операций немцев. Отношение к «каминцам» было двоякое: с одной стороны, они воспринимаются как те, кто служил врагу, с другой стороны, оценка может быть достаточно нейтральной в глазах лепельчан, которые некоторое время жили рядом с ними, и «каминцы» стали частью повсед-

невности Лепеля или окрестных деревень, жители которых вспоминали о том, что в рядах РОНА служили насильственно мобилизованные туда местные парни [2].

Большинство опрошенных проживало в деревнях в партизанской зоне, поэтому образ партизана в воспоминаниях является одним из главнейших. Тенденция — безусловная лояльность населения к партизанам, однозначное восприятие их как «своих», тем более что в рядах партизан были их односельчане. В воспоминаниях фигурируют имена партизанских командиров (Керпич, Дубровский, Лобанок и др.), можно проследить, когда в конкретной деревне дислоцировался тот или иной партизанский отряд или бригада [1, 6, 8]. Достаточно часто партизаны размещались в деревнях поочередно, иногда в доме могло проживать до 15 партизан. В таких случаях в обязанность местного населения входило обеспечение партизан продовольствием. Например, Кузнецова Р. П. (дер. Стайск) вспоминала, что ежедневно чистила для партизан по ведру картошки [3]. Масштабных реквизиций продуктов в таких деревнях партизаны не производили, скот и хлеб, как правило, заготавливались в деревнях вне партизанской зоны, подконтрольных немцам и полиции. Однако, случаи реквизиций имели место. Богданович В. Р. отмечал, что «леоновцы могли забрать и последний хлеб, а вот в бригаде Лобанка дисциплина была нормальная» [1].

Местные жители упоминают организованные в помощь партизанам в деревнях отряды самообороны, которые должны были следить за подходом немцев и полиции [1, 4].

Воспоминания местных жителей иллюстрируют проводимые немцами на территории Лепельского района карательные операции, признавая, что это была реакция немцев на активность партизан. Хотя даты карательных операций вспоминаются достаточно приблизительно, можно определить, в ходе какой именно акции была уничтожена та или иная деревня (большинство населенных пунктов было сожжено в ходе крупнейших операций немцев «Коттбус», «Праздник урожая»). Можно проследить судьбу жителей сожженных нацистами деревень. Так, после уничтожения ряда деревень района (Стайск, Оконо,

Велевщина и многие другие) в ходе операции «Коттбус» (май – июнь 1943 г.) их население было согнано в дер. Мосеевщина; далее судьба людей складывалась по-разному: часть граждан была направлена в Лепель и далее расселена по деревням, подконтрольным оккупационной администрации; другие были направлены в Борисов (ранее немцы планировали их отправить в Холопеничи и уничтожить), а оттуда вывезены на принудительные работы в Германию. Жители дер. Велевщина вспоминали, как происходил отбор в Германию. В первую очередь на принудительные работы отправлялись семьи партизан (их выискивала местная жительница, родственница сотрудника коллаборационной администрации) [6, 8]. Петько М. И. вспоминает, что некоторые члены семей партизан сами согласились ехать в Германию, чтобы избежать репрессий [4]. Жизнь и быт жителей Лепельщины в самой Германии в статье не затрагиваются, поскольку могут стать темой для отдельного исследования.

Некоторым расселенным по деревням района удалось позднее вернуться в родные деревни, которые полностью были сожжены. Жить приходилось в землянках, в редких уцелевших строениях. Интересно, что очень многие опрошенные вспоминают послевоенные годы как более тяжелые в материальном плане (особенно это касалось продуктов питания), чем даже время оккупации.

Совсем иная повседневность предстает в воспоминаниях горожан. Полонский П. Д. вспоминает, как мальчишки-подростки воровали у немцев боеприпасы и передавали их через взрослых партизанам. У немцев же подростки воровали продукты питания; в других случаях немецкие солдаты могли подкармливать их. В Лепеле функционировала школа, которую Полонский П. Д. посещал несколько месяцев в 1942 г. В городе действовал комендантский час, поэтому население по вечерам ходило только вблизи своих домов. В Лепеле кроме солдат вермахта размещалась немецкая ГФП, каминцы, действовала местная полиция (в воспоминаниях данного человека ее оценка достаточно нейтральная, возможно, потому, что подросток никак с нею не пересекался). Описывается Лепельский концлагерь, откуда можно было вызволить узника в обмен на продукты [7].

Частью повседневности подростков оккупированного Лепеля стали спекуляции продуктами питания на местном базаре, что позволяло им в итоге «и купить продукты, и в кино сходить». Вызывает интерес воспоминание Полонского о том, как шоферы грузовиков брали детей с собой в поездки за город, причем возили их открыто в кузовах. Перевозка местного населения немецкими автомашинами или транспортом коллаборационной администрации была строжайше запрещена немцами, очевидно, что, провозя детей открыто в кузовах автомашин, шоферы тем самым страховались от обстрела партизан, которые бы не стали стрелять в детей [7].

Конечно, любые воспоминания достаточно субъективны. На полноту картины, точность излагаемых фактов влияет ряд факторов, таких как возраст человека, образование, место жительства, социальное положение. Что-то через многие десятилетия забылось, исказилось под влиянием идеологии, общепринятой в обществе схемы восприятия военных событий. С другой стороны, учитывая, что война – это самый страшный период жизни этих людей, многие события намертво врезались в их память. Конечно, большинство опрошенных проживало в «партизанских» деревнях, повседневность которых отличалась от повседневности в других частях Лепельщины, и это следует учитывать при реконструировании общей картины жизни и быта населения в годы нацистской оккупации. В то же время именно потому, что по причине активности партизан коллаборационная администрация во многих населенных пунктах не функционировала, а значит, архивные источники фрагментарны, воспоминания местных жителей зачастую являются единственным и чрезвычайно важным источником для воссоздания истории Лепельского края периода нацистской оккупации. Иными словами, воспоминания очевидцев и архивные источники взаимно дополняют друг друга.

Литература

Богданович Владимир Романович, 1928, дер. Велевщина, 10.07.2009
// Личный архив автора.

- Бороденок Татьяна Ивановна, 1926, дер. Медвёдовка, 17.08.2007 // Личный архив автора.
- Буртыль Степан Васильевич, 1933, дер. Оконо. 23.02.2009 // Личный архив автора.
- Захарова Валентина Васильевна, 1930, дер. Демешково. 23.02.2009 // Личный архив автора.
- Кузнецова Раиса Прохоровна, 1929, дер. Стайск. 23.02.2009 // Личный архив автора.
- Петько Михаил Иосифович, 1925, дер. Велевщина, 10.07.2009 // Личный архив автора.
- Подобед Варвара Иосифовна, 1918, д. Велевщина, 10.07.2009 // Личный архив автора.
- Подобед Надежда Дмитриевна, 1934, дер. Велевщина, 10.07.2009 // Личный архив автора.
- Полонский Петр Дмитриевич, 1930, г. Лепель, 23.02.2009 // Личный архив автора.
- Тарасевич Валентина Филипповна, 1924, дер. Велевщина, 10.07.2009 // Личный архив автора.

Тухта В. У.

КРЫВАВЫЯ БЕРАГІ ПАЛІКА (КАРНАЯ АПЕРАЦЫЯ СУПРАЦЬ ПАРТЫЗАН У МАІ – ЧЭРВЕНІ 1944 Г.)

Яшчэ грымелі баі ў раёне Ушачаў, а немцы ўжо актывізавалі дзеянні ў паўночнай частцы Мінскай вобласці. Яны распачалі наступленне супраць вялікай Барысаўска-Бягомльскай зоны, у якую ўваходзілі Бягомльскі, Плешчаніцкі, частка Лепельскага, Халопеніцкага, Барысаўскага, Смалявіцкага, Лагойскага, Заслаўскага, Радашковіцкага і Ільяскага раёнаў. Зону з усходу на захад перасякалі камунікацыі, якія мелі для праціўніка вялікае значэнне. У прыватнасці, Барысаўска-Бягомльскае злучэнне кантралявала дарогі Лагойск – Плешчаніцы – Бягомль – Лепель, Барысаў – Зембін – Бягомль, Барысаў – Плешчаніцы – Вілейка. Ад Бягомля гэтыя дарогі ішлі да Докшыц, Глыбокага, Пастаў. Нямецкае камандаванне не магло пакінуць у спакоі Барысаўска-Бягомльскае злучэнне.

Аперацыя пад кодавай назвай «Прагулка на Троіцу» мела на мэце акружэнне і знішчэнне партызанскай групы ў Барысаўска-Бягомльскай зоне. Аперацыя праводзілася на працягу дваццаці дзён – з 22 красавіка 1944 г. У ходзе жорсткіх кровапралітных баёў партызаны здолелі на кароткі час затрымаць ворага, але межы партызанскай зоны значна зменшыліся ў памерах. Партызанскія фарміраванні адыходзілі ў раён непраходных балот возера Палік. За 20 дзён баёў немцы страцілі 7 танкаў, 14 аўтамашын, бронетранспартёр, 2 бронемашыны, 16 павозак з боепрыпасамі. Вялікія страты нанесены ворагу ў жывой сіле [1, с. 144]. Пра страты партызанскіх фарміраванняў ні ў адной з даследаваных крыніц звестак не прыводзіцца. Можна толькі меркаваць, што народныя мсціўцы панеслі не меншыя страты, а можа нават і ў некалькі разоў большыя за страты праціўніка.

Другая дэкада мая ў Барысаўска-Бягомльскай і Сенненска-Аршанскай зонах прайшла адносна спакойна. Да гэтага часу ў раён возера Палік з Полацка-Лепельскай зоны перайшлі Смаленскі партызанскі полк, брыгады Лепельская імя Сталіна, 16-я Смаленская, імя ВЛКСМ, частка атрадаў з брыгады «За Савецкую Беларусь», імя А. Ф. Данукалава, імя К. Е. Варашылава, імя В. І. Леніна [1 с. 144]. За партызанамі ішлі 4 тысячы мірнага насельніцтва. Без бою 6 мая ў 4 гадзіны раніцы яны дасягнулі лясных масіваў Бягомльскага і Лепельскага раёнаў, дзе мірнае насельніцтва разышлося па лясках, а партызанскія фарміраванні выйшлі ў Барысаўска-Бягомльскую зону [2, с. 505]. Праз некалькі дзён адпачынку, атрымаўшы боепрыпасы, партызанскія брыгады пайшлі ў накірунку возера Шо. Засталася ў Бягомльскім раёне для выхаду ў свой раён брыгада імя ВЛКСМ, Лепельская брыгада імя Сталіна выйшла ў раён лепельскіх лясоў, а штаб – у раён в. Валова Гара [7, с. 505].

Не дасягнуўшы пастаўленых задач у ходзе аперацыі «Прагулка на Троіцу» нямецкае камандаванне прыняла рашэнне: любой цаной знішчыць партызан Барысаўска-Бягомльскай зоны, заняць партызанскі раён і авалодаць дарогамі, якія ішлі ад фронту на захад. З гэтай мэтай праціўнік 22 мая 1944 г. вялікімі сіламі пяхоты пры падтрымцы артылерыі, мінамётаў, у тым ліку